

В.И.Макаров

«...ИЛИ ИНОЙ ПРОТИВОРЕЧАЩЕЙ ОБЩЕПРИНЯТЫМ НОРМАМ МОРАЛИ И ПРАВСТВЕННОСТИ ФОРМЕ». К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Настоящая статья рассматривает с точки зрения работы эксперта-лингвиста новую формулировку статьи Кодекса об административных правонарушениях, регулирующей ответственность за оскорбление личности. Новая формулировка рассматривается в связи с понятием «неприличной формы», дискуссии о котором ведутся в сообществе лингвистов и экспертов вот уже почти 25 лет. По мнению автора статьи, юридическая новелла, о которой идет речь, не затронет перечень слов и выражений, которые традиционно относятся к оскорбительным, однако заставит экспертов внимательнее относиться к оценке свойств коммуникативной ситуации, в которой подобные высказывания осуществляются, и контексту их употребления. Автор статьи исходит в своих рассуждениях из представлений о том, что лингвистическая экспертиза прежде всего должна оцениваться по ее эффективности и объективности оценки предложенной ситуации.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, неприличная форма, языковая ситуация, официальное и бытовое общение

Непосредственным поводом для написания данной статьи явился факт расширения зоны действия юридической ответственности в связи с актом оскорбления. В конце 2020 года ФЗ N 513-ФЗ введена новая формулировка ст. 5.61 КоАП, в которой речь идет не только о привычном всем оскорблении в неприличной форме; добавлена формулировка, вынесенная в заголовок данной статьи [1].

На это изменение экспертное сообщество предсказуемо отреагировало болезненно. Основная его претензия состоит в том, что очень много времени и сил ученого сообщества было потрачено на установление хоть какого-либо общего понимания того, что такое «неприличная форма высказывания». И новая формулировка видится как разрушающая то, что создавалось с таким трудом [2]. Но было ли это единство, консенсус вообще?

Корень проблемы состоит в том, что понятие неприличной формы высказывания не является юридически точно установленным. Максимально конкретно эта неприличная форма определена как «откровенно циничная, резко противоречащая нравственным нормам, правилам поведения в обществе форма унижительного обращения с человеком» (Определение Верховного Суда России от 08.04.2010 № 65-О10-1). Разумеется, здесь мы не можем говорить ни о каком избавлении от субъективности.

Все равно понятие неприличности определяется экспертом-лингвистом в каждом конкретном случае с учетом условий употребления, и фактически каждый эксперт самостоятельно решает, что считать неприличной формой высказывания.

По мнению ряда ведущих лингвистов, «размытость границ семантики «неприличная форма», недостаточная четкость ее определения в законе и множество порождаемых этой ситуацией вопросов и сомнений исследователей дают возможность утверждать, что определение ее при проведении судебной лингвистической экспертизы, за исключением случаев с матом, в большинстве случаев субъективно» [3].

Оппозиция приличности / неприличности «не принадлежит коду русского языка», «этот тип информации не кодируется в сообщении» и «объем и содержание понятия «неприличная форма» трудно определимы» [4].

«Неприличная форма», которая понимается им как крайне негативная обобщенная характеристика лица «в случае употребления ненормативной лексики (мата, грубой и обценной лексики), то есть инвективной лексики» [5], свойства, признаки, детали, позволяющие решить эту проблему, — «самые сложные понятия, так как их содержание нельзя определить однозначно» [6].

Различные лингвисты предлагают свое решение проблемы приличности / неприличности высказывания. Так, И.А.Стернин считает, что к неприличной форме высказывания могут относиться только нецензурные выражения: «неприличные языковые единицы с научно-лингвистической точки зрения — это нецензурные языковые единицы» [7].

Следовательно, «Если оскорбительное по содержанию выражение имеет литературную или разговорную форму выражения, эта форма не может быть признана неприличной, она остается в разряде нормативной лексики. В этом случае истца может оскорблять содержание (если оно не соответствует действительности), но не форма. Использование нормативной лексики в негативных высказываниях не подлежит правовому регулированию» [8].

Другие ученые рассматривают неприличную форму высказывания более широко, относя к ней грубые бранные выражения, которые выходят за рамки нецензурной лексики: «Существуют инвективы, которые формально находятся в пределах литературного употребления, их можно обнаружить в авторитетных толковых словарях русского языка, но при этом в реальном употреблении они тяготеют к обценности. В качестве

примеров таких слов исследователи приводят лексемы *сука* или *гнида*. Безусловно, ряд подобных лексем можно продолжить. Таким образом, можно говорить о целой группе слов, которые балансируют «на грани приличности-неприличности, цензурности-нецензурности, табуированности-нетабуированности» [9].

При этом следует подчеркнуть, что оскорбительная лексика и неприличная лексика — это два разных круга понятий. Они могут пересекаться, могут и не пересекаться: «...термины *бранная лексика* и *обценная лексика* понимаются как взаимно пересекающиеся, хотя и не полностью идентичные: не все бранное обценно, и, наоборот, не все обценное — бранно» [10]. Подчеркнем, что высказывание ученого относится здесь именно к нецензурной лексике, но это актуально, на наш взгляд, и для лексики, имеющей неприличную форму.

Таким образом, каждый эксперт, опираясь на научный опыт коллег, выбирает из обсуждаемых сообществом ученых критериев те, которые считает действительно существенными.

Автор этой статьи также предложил свой скромный вклад в решение данной проблемы [11]. На наш взгляд, и это подтверждает позиция многих упомянутых выше ученых, которые считают проблему определения неприличности высказывания только отчасти лингвистической, начинать экспертизу оскорбления необходимо с оценки коммуникативной ситуации, позиций и взаимоотношений участников общения, событий, предшествующих акту оскорбления. Например, рассмотреть оппозицию официальное / неофициальное при характеристике условий общения. Если речь идет об официальной ситуации, т.е. имеющей признаки отправления правовых процедур, то, по нашему мнению, любые признаки речевой агрессии в ней должны быть пресечены. Это не исключает необходимости, как и во всех других ситуациях, оценивать намерения говорящего, его психологическое состояние, обстоятельства, приведшие к акту оскорбления.

Лингвистическая оценка собственно слов и выражений, употребленных в акте оскорбления, таким образом, представляет собой, только часть процедур, необходимых для квалификации формы высказывания как приличной / неприличной. В своей практике автор данной работы использует следующие лингвистические характеристики формы высказывания как неприличной.

1. Отношение слова, высказывания к кругу нецензурных.

2. Отношение слова, высказывания к грубо-бранным, сниженным (в этом значении слово должно быть зафиксировано в большинстве имеющихся современных словарей, в которых оно отражено).

Заметим, что в этом отношении наша позиция совпадает с позицией авторов методики проведения подобных экспертиз [12].

При такой постановке вопроса появление новой формулировки статьи КоАП практически ничего не добавляет к работе эксперта-лингвиста. Очевидно, что несоответствие высказывания нормам и нравственности практически нельзя оценить с точки зрения лингвистических методов и приемов, такая оценка выходит за пределы компетенции эксперта. См. «*Мораль* — совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу; нравственность» (БТС, с. 556); «*Нравственность* — внутренние (духовные и душевные) качества человека, основанные на идеях добра, справедливости, долга, чести и т.п., которые проявляются в отношении к людям и природе» (БТС, с. 659), определения даются по [13].

С другой стороны, лингвист вполне в силах оценить контекст речевой ситуации, высказывания, в том числе проявление установок, целей высказывания, которыми руководствовался говорящий. Именно в этом отношении смысл и форма высказывания могут противоречить существующим морально-нравственным нормам или выступать в согласии с ними.

Разберем две ситуации из нашей практики, «лингвистическая» часть которых проявлялась одинаково — в «посылке» работников правоохранительных органов по известному адресу (кстати, подобная ситуация вполне может рассматриваться как оскорбительная, согласно позиции ученых [10] и авторов методики экспертизы [12]). При этом в одной из ситуаций задержанный, находясь в служебном автомобиле ГИБДД, пребывая во внешне спокойном состоянии духа, повел речь о том, что его задержание дорого обойдется работникам правопорядка, назвал их *нешками*, *простыми собаками*, *ничтожествами*, которые ничего не решают. В заключение задержанный высказался в том духе, что если сейчас пошлет полицейских, то ему ничего не будет, после чего исполнил свою угрозу и спросил: «Ну, и что вы мне теперь сделаете?».

Во второй ситуации говорящий был явно возмущен обстоятельствами своего задержания, эмоционально доказывал его несправедливость, просил полицейских отпустить, отстать от него, и в конце, очевидно раздосадованный их, с его точки зрения, непонятливостью, нечувствительностью, одновременно отмахиваясь от них ладонью, произнес известную формулу «посыла».

Очевидно, что именно первый тип поведения можно охарактеризовать как циничный, противоречащий нравственным нормам. Говорящий явно имеет установку на унижение, уязвление других участников диалога. Во втором случае установки на унижение, оскорбление нет. Конечно, вряд ли можно приветствовать речевое поведение, тем более в официальной ситуации, связанное с употреблением непечатной лексики, однако нельзя не принимать во внимание, что употребление такой лексики далеко не всегда осуществляется с оскорбительными целями. Для кого-то мат это естественная форма выражения своих мыслей и отношения к окружающему миру [14].

Вряд ли также стоит соглашаться с мыслью о том, что новая формулировка административной статьи как-то повлияет на расширение списка слов и выражений, а также жестов и иных внешних признаков, которые будут рассматриваться как оскорбительные в юридическом смысле [15]. Полагаем, никаких сдвигов здесь не произойдет. На наш взгляд, данная формулировка это сигнал экспертам-лингвистам более глубоко

рассматривать обстоятельства, ситуацию, контекст «оскорбительного» высказывания, руководствоваться не только и не столько формальными признаками при разрешении вопросов, поставленных перед ними.

Повторим нашу позицию в отношении того, что установки эксперта должны помогать ему эффективно осуществлять свою деятельность, а не каким-либо образом намеренно сужать либо расширять зону ответственности говорящего за его высказывания.

1. КоАП РФ Статья 5.61. Оскорбление [Электр. ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (дата обращения: 26.10.2021).
2. Акинина А. Новеллы 2021 года по оскорблению. Как относиться к «иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме»? [Электр. ресурс]. URL: <https://akinina-lingexpert.ru/novelly-2021-goda-po-oskorbleniju-kak-otnositsya-k-inoj-protivorechashhej-obshheprinyatym-normam-morali-i-nravstvennosti-forme/> (дата обращения: 26.10.2021).
3. Иссерс О. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) // Юрислингвистика: проблемы и перспективы. Межвузовский сб. научных трудов. Барнаул, 1999. № 1. С. 117.
4. Бринев К.И. Лингвистическая экспертиза: Справочные материалы. Барнаул-Кемерово, 2009. 14 с. [Электр. ресурс]. URL: <http://rusexpert.ru/public/metodposob-pdf/BrinevLINGEXPSRPMAT2009.pdf> (дата обращения: 26.10.2021).
5. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики // Российский судья. 2011. № 9. С. 15-20.
6. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. 2013. № 5. С. 43-48.
7. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.
8. Стернин И.А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Антропотекст-1. Томск, 2006. С. 339-353.
9. Салеев В.А. «Неприличная форма выражения» как проблема лексикографии и лингвоэкспертологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 386-389.
10. Мокенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. 1994. № 1/2. С. 50-73.
11. Макаров В.И. Эффективность лингвистической экспертизы [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского университета. 2017. № 4(12). Ст. 7. URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1402395> (дата обращения: 26.10.2021).
12. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1(41). С. 92-98.
13. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова. СПб., 2000. 1536 с.
14. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Понятия чести, достоинства, деловой репутации. М., 2004. С. 289-298.
15. Охотин С. За клевету собираются сажать на 5 лет [Электр. ресурс] // Адвокатская газета. 08.02.2021. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/za-klevetu-sobirayutsya-sazhat-na-5-let/> (дата обращения: 26.10.2021).

References

1. KoAP RF Stat'ya 5.61. Oskorblenie [Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Article 5.61 Insult]. Konsul'tant Plyus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (accessed: 26.10.2021).
2. Akinina A. Novelly 2021 goda po oskorbleniyu. Kak otnosit'sya k "inoj protivorechashchey obshheprinyatym normam morali i nravstvennosti forme"? [2021 novelties on insult. How to treat 'alternative form that contradicts the generally accepted norms of morals and ethics'?). Available at: <https://akinina-lingexpert.ru/novelly-2021-goda-po-oskorbleniju-kak-otnositsya-k-inoj-protivorechashhej-obshheprinyatym-normam-morali-i-nravstvennosti-forme/> (accessed: 26.10.2021).
3. Issers O. Svoboda slova: dve storony medal (oskorblenie v zerkale yurisprudentsii i lingvistiki) [Freedom of speech: two sides of the medal (insult in the context of jurisprudence and linguistics)]. Coll. of papers "Yurilingvistika: problemy i perspektivy". Barnaul, 1999, no. 1, p. 117.
4. Brinev K.I. Lingvisticheskaya ekspertiza: Spravochnye materialy [Linguistic expertise: Reference materials]. Barnaul-Kemerovo, 2009. 14 s. Available at: <http://rusexpert.ru/public/metodposob-pdf/BrinevLINGEXPSRPMAT2009.pdf> (accessed: 26.10.2021).
5. Kusov G.V. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza «oskorbleniya»: razvitie sovremennoy teorii i praktiki [Forensic linguistic expertise of 'insult': modern theory and practice]. Rossiyskiy sud'ya, 2011, no. 9, pp. 15-20.
6. Kusov G.V. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza «oskorbleniya»: reshenie problemy "neprilichnaya forma" [Forensic linguistic expertise of 'insult': solution of the problem of 'indecent form']. Rossiyskiy sud'ya, 2013, no. 5, pp. 43-48.
7. Sternin I.A., Antonova L.G., Karpov D.L., Shamanova M.V. Vyyavlenie priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta [Revealing signs of humiliation of honor, dignity, derogation of business reputation and insult in linguistic expertise]. Yaroslavl', 2013. 35 p.
8. Sternin I.A. Oskorblenie i neprilichnaya yazykovaya forma kak predmet lingvisticheskoy ekspertizy (bytovoe i yuridicheskoe ponimanie) [Insult and indecent linguistic form as a subject of linguistic expertise (ordinary and legal understanding)]. Antropotekst-1. Tomsk, 2006, pp. 339-353.
9. Salyaev V.A. "Neprilichnaya forma vyrazheniya" kak problema leksikografii i lingvoekspertologii ['Indecent form of utterance' as a problem of lexicography and linguistic expertise]. Problemy istorii, filologii, kul'tury, 2014, no. 3, pp. 386-389.
10. Mokenko V.M. Russkaya brannaya leksika: tsenzurnoe i netsenzurnoe [Russian swear words: censored and non-censored]. Rusistika, 1994, no. 1/2, pp. 50-73.
11. Makarov V.I. Effektivnost' lingvisticheskoy ekspertizy [Efficiency of linguistic expertise]. Memoirs of NovSU, 2017, no. 4(12), art. 7. Available at: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1402395> (accessed: 26.10.2021).
12. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. Metodika provedeniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy po delam ob oskorblenii [Methodology of forensic linguistic analysis in criminal insult investigations]. Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy, 2016, no. 1(41), pp. 92-98.
13. Kuznetsov S.A., ed. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, 2000. 1536 p.

14. Zhel'vis V.I. Slovo i delo: yuridicheskiy aspekt skvernosloviya [Word and deed: legal aspect of profanity]. Ponyatiya chesti, dostoinstva, delovoy reputatsii. Moscow, 2004, pp. 289-298.
15. Okhotin S. Za klevetu sobirayutsya sazhat' na 5 let [One will be imprisoned for slander for 5 years]. Advokatskaya gazeta, 08.02.2021. Available at: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/za-klevetu-sobirayutsya-sazhat-na-5-let/> (accessed: 26.10.2021).

Makarov V.I. "...Or other form contradicting the generally accepted norms of morals and ethics". To the effectiveness of linguistic expertise. We examine the new wording of the article of the Code of Administrative Offences, which establish liability for an insult from the perspective of the work of a forensic linguist. The concept "indecent form" has been discussed in the community of linguists and experts for almost 25 years. The legal novelty of this concept will not affect the list of words and expressions which are traditionally regarded as insulting, but will force experts to be more careful in evaluating the properties of the communicative situation in which such statements are made and the context in which they are used. The author concludes that the evaluation of linguistic expertise should be based on its effectiveness and objectivity.

Keywords: linguistic expertise, indecent form, language situation, official and everyday communication.

Сведения об авторе. Владлен Иванович Макаров — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии ИГУМ НовГУ имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-0404-9330; vladlen.makarov@novsu.ru.
Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.11.2021. Принята к публикации 20.11.2021.

Ссылка на эту статью: Макаров В.И. «...Или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме». К вопросу об эффективности лингвистической экспертизы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6(39). С. 680-683. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).680-683

For citation: Makarov V.I. "...Or other form contradicting the generally accepted norms of morals and ethics". To the effectiveness of linguistic expertise. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 6(39), pp. 680-683. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).680-683